

Харабаева Виктория Ивановна

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРИФЕРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются морфологические средства выражения функционально-семантической категории персональности, относящиеся к периферии функционально-семантического поля данной категории. Внимание уделяется материально выраженной персональной актуализации – личным местоимениям в косвенном падеже и посессивным аффиксам, выражающим принадлежность, отнесенность качества, действия или состояния к какому-либо из трех лиц. Создаваемые конструкции представляют собой способ выражения категории персональности без употребления личной формы глагола в якутском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811,512,157'366

Филологические науки

В статье рассматриваются морфологические средства выражения функционально-семантической категории персональности, относящиеся к периферии функционально-семантического поля данной категории. Внимание уделяется материально выраженной персональной актуализации – личным местоимениям в косвенном падеже и посессивным аффиксам, выражающим принадлежность, отнесенность качества, действия или состояния к какому-либо из трех лиц. Создаваемые конструкции представляют собой способ выражения категории персональности без употребления личной формы глагола в якутском языке.

Ключевые слова и фразы: персональность; периферия; личные местоимения в косвенных падежах; посессивные аффиксы; субъект.

Харабаева Виктория Ивановна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
Stabilo.83@mail.ru*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРИФЕРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА)©

В настоящее время аспект функционирования грамматических единиц и категорий «во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания» [2, с. 89], составляет одну из главных задач функционального подхода, прочно утвердившегося в современном языкознании. Категории, отражающие в языке важнейшие понятия человеческого сознания, представляют интерес и становятся предметом системного исследования в контексте нового языкового окружения. К таковым, несомненно, относится категория персональности, которая в лингвистике трактуется как «семантическая категория, характеризующая участников сообщаемого факта по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему» [1, с. 5].

Категория персональности, соотношенная в традиционной грамматике с категорией лица глагола, является одной из категорий, формирующих предикативную ось предложения, которая квалифицируется учеными как универсальная и семантическая категория, охватывающая разнообразные средства ее выражения (выходящие за пределы форм лица глаголов и местоимений), опирается на теорию о синтаксическом лице, выдвинутую такими лингвистами как В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, В. В. Химик, А. В. Бондарко и др. Предложенное широкое понимание категории лица дает возможность рассматривать эту категорию как полевою структуру, соотношенную с функционально-семантическим полем (ФСП) персональности, которое представляет собой «группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» [Там же, с. 7].

Средства выражения персональности, выходящие за пределы грамматических форм лица глагола и личных местоимений (выступающих в позиции подлежащего), относятся к периферии данного поля. Они ограничены по условиям функционирования и не занимают центрального места в субъектно-предикатной структуре предложения. К одним из важнейших периферийных средств выражения персональности относятся морфологические средства. Задачей последующего изложения будет характеристика функционирования этих средств на материале якутского языка.

К числу морфологических средств выражения семантики отношения к лицу, представляющих ближнюю периферию, относятся личные местоимения в косвенных падежах, выступающие в роли дополнений со значением объекта-субъекта, так как они находятся за пределами субъекта подлежащего: Түөһэ холку, төбөтө сырыдык, туох да кыһалба суох, *киниэхэ* барыта үчүгэй [6, с. 69] – «В груди свободно, голова ясна, нет никаких проблем, у него все хорошо!» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – В. Х.). *Миэхэ* оннук өй киир-бэтэбэ [15, с. 14] – «Мне в голову не пришла такая мысль» (=Ол туһунан толкуйдаабата бым – «Об этом я не подумал»). О таких предложениях А. А. Потеня писал: «Сказуемое означает здесь явление психологическое или физиологическое, происходящее в том, что означено дательным. Дательный здесь не *dativus commodi*, но среда действия, не безучастия к самому действию. Он синонимичен именительному подлежащего: неможется мне = (я) не могу ся» [9, с. 336]. В таких предложениях подобным образом целостная актуализация высказывания происходит за счет непредикативного субъекта в косвенно-падежной форме, выраженного личным местоимением. Этот член предложения представляет субъектную семантику, так как выражает лицо, испытывающее состояние, названное в предикате, а также объектную форму (дательный падеж, зависимый от предиката).

В якутском языке лично-возвратное местоимение может иметь такую же функцию, как личное местоимение в косвенном падеже, – денотативно-понятийную. Эти местоимения в косвенном падеже также выступают в роли дополнений со значением объекта-субъекта: *Бэйэни* дыиэлээх курдук сананар бэрт да эбит! [5, с. 11] – «Как хорошо, оказывается, почувствовать себя имеющим свой дом!».

Основным морфологическим средством, представляющим ближнюю периферию категории персональности в якутском языке, также выступают притяжательные аффиксы. Притяжательные аффиксы выражаются в трех лицах аффиксами: 1-е л. ед. ч. – *-м*, 2-е л. ед. ч. – *-н*, 3-е л. ед. ч. – *-а*; 1-е л. мн. ч. – *-быт*, 2-е л. мн. ч. – *-гыт*, 3-е л. мн. ч. – *-лара*. Формы категории принадлежности выступают как морфологическое средство передачи самых разнообразных предметных связей. Помимо того, что притяжательные аффиксы выражают отнесенность предмета к какому-либо лицу, в якутском языке, как и в других тюркских языках, они могут использоваться в качестве показателя субъекта действия или состояния, которое определено предметом, т.е. представлять собою предикативную посессивность. В формах категории принадлежности выступают глагольные именные формы – причастия, имена действия, «выражающие «определенность» действия, т.е. действия, представленные как предмет» [3, с. 75], которые сохраняют при этом свою глагольность. Широкое использование форм категории принадлежности в тюркской речи, по мнению исследователей, следует объяснить тем, что «мышление людей, говорящих на тюркских языках, истолковывает или представляет многие объективные явления как предмет» [Там же, с. 76].

Притяжательными аффиксами может маркироваться положение участников ситуации в пространстве относительно говорящего, слушающего или 3-го лица. Это могут быть слова, характеризующие пространственные расположения объектов, такие как пространственные послелого. Ср. парадигму личных форм пространственного послелога от основы *илин* «перед» (даются формы дательного падежа, но возможны и формы остальных падежей):

ед. ч. мн. ч.

1-е л. иннибэр «передо мной» иннибитигэр «перед нами»

2-е л. иннигэр «перед тобой» иннигитигэр «перед вами»

3-е л. иннигэр «перед ним» иннилэригэр «перед ними»

Иногда благодаря притяжательному оформлению послелога мы узнаем о принадлежности действия или события к какому-либо из трех лиц. Например, в сложном предложении: Ол эрэн тыаттан сана киридэххит, барыта – *иннигитигэр* [7, с. 53] – «Но вы недавно приехали с улуса, у вас все *впереди*» зависимая часть не имеет грамматически выраженного глагольного лица, но благодаря наличию в составе послелога притяжательного аффикса 2-го лица мн. числа *-гыт* идентифицируется отношение предстоящего события, факта к адресату – 2-му лицу мн. числа.

Притяжательные аффиксы, прикрепленные к именам существительным, позволяют установить субъект действия, если глагол стоит в повелительном наклонении 2-го лица ед. числа, который имеет нулевой аффикс, т.е. выражен основой глагола: *Куоскам сүтэн хаалбытын көрдөө да көрдөө!* [10, с. 71] – «То, что мой кот пропал, *ищи* и *ищи!*».

Употребление имен прилагательных с аффиксами принадлежности в безличных предложениях с частицами *баар*, *бэрт* выражает модальность, сопровождаемую эмоциями удивления, изумления, негодования, возмущения и т.д. относительно лица, выделенного аффиксом принадлежности: *Умнуганым да баара!* [11, с. 94] – «Какой же я *забывчивый!*» (букв. «Есть мой *забывчивый!*»). В такого рода предложениях таким способом замещается именное сказуемое (ср. *Наһаа да умнугаммын!* – «Какой же я забывчивый!»).

В якутском языке посредством притяжательных аффиксов, прикрепляемых к причастиям или существительным, составляются различные конструкции, обозначающие лицо производителя действия [12, с. 133]. Аффикс принадлежности может быть прикреплен: а) к причастию; б) к определяемому.

Субстантивированные причастия с притяжательными аффиксами представляют объект предложения, который подразумевает действия какого-либо субъекта. В таком случае определяется действие (или состояние), которое производит (или в котором находится) субъект предложения-дополнения: Биһиги оҕолорбут кыра эрдэхтэриттэн нуучча тылын *үөрэтэллэрэ* – кинилэр улуу дьоллоро [4, с. 225] – «То, что наши дети с детства *учат* русский язык, – это их великое счастье» (букв. «Наши дети с детства русский язык *изучающий+их* – их великое счастье»).

Лицо исполнителя действия может быть выражено с помощью причастной атрибутивной конструкции. В предложении такой причастный изафет употребляется в составе зависимого предложения-определения, где посессивный аффикс определяет лицо действующего субъекта и прикрепляется к существительному. Такое предложение-определение имеет самостоятельное подлежащее, наличное или подразумеваемое, которое не принадлежит определяемому: Арай, буспут эт куһуоччугун үрдүгэр ханнык эрэ, урут *көрбөтөх үүнээйим* сэбирдэбэ сытар [15, с. 43] – «На кусочке вареного мяса лежит лист какого-то *растения, которое я ранее не видел*». Определяемое может быть словом, обозначающим объект действия, место действия, и словом, обозначающим время действия. Например: Дьиэбит бөһүөлэк кытытыгар турар буолан *ляхтыыр хонуубут* көстөн турар [Там же, с. 18] (место действия) – «Наш дом находится на окраине поселка, поэтому *то поле, где мы ловим бабочек, видно*» (букв. «бабочки ловающий поле+наше виден»). Онон бүгүн киниэхэ, үлэтин түмүгүн *көрөр күнэ* [14, с. 27] (время действия) – «Таким образом, для него сегодня *тот день, когда он увидит* результат своей работы» (букв. «видящий день+его результат работы»).

В именах от глагола, выражающих действие, персональность выражается по типу субстантивных причастий – к имени, образованному от глагола, прикрепляется притяжательный аффикс, определяя деятеля действия [12, с. 134]: Урут муус барарын *көрбүтүн дуо?* – Денис куолаһа кэннибиттэн иһиллибитэ. – Суох, бу маңнайгы *көрүүм* [10, с. 15] – «Раньше видела ледоход? – спросил Денис. – Нет, это *мое* первое *увидение*» (= я впервые увидела).

Итак, все эти разные по структуре высказывания объединяются материально выраженной персональной актуализацией – личным местоимением в косвенном падеже и посессивными аффиксами, выражающими принадлежность, отнесенность действия, состояния, представленного как предмет, а также качества как сообщаемого факта по отношению к участникам ситуации речи. Персональное содержание каждой коммуникативной единицы формируется на «сигнификативном фоне предикативного лица» [13, с. 102]. В условиях такой грамматической среды слово, называющее субъект, не может занимать позицию активного субъекта, и семантика лица выражается зависимой формой, т.е. личным местоимением в косвенном падеже, именами и причастиями с посессивными аффиксами, которые имеют субъектно-объектное содержание.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5-37.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. 146 с.
4. Данилов С. П. Сүрэх тэбэрин тухары. Дь.: Сахаполиграфиздат, 1996. 672 с.
5. Лугинов Н. А. Кустук. Дь.: Бичик, 2003. 224 с.
6. Мординов Н. Е. – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. Дь.: Бичик, 1994. 360 с.
7. Неймохов Е. П. Эр киһи уонна дьахтар. Дь.: Бичик, 2010. 384 с.
8. Ойунский П. А. Талыллыбыт айымньылар. Дь.: Бичик, 1993. Т. II. 442 с.
9. Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. III. 551 с.
10. Сивцева С. Я. – Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. Дь.: Бичик, 2008. 192 с.
11. Тобуроков П. Н. Чыгычаахтар күнү көрсөллөр. Якутск: Кн. изд-во, 1970. 160 с.
12. Харабаева В. И. Периферийные средства выражения персональности в якутском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 78. № 16 (307). С. 132-136.
13. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 180 с.
14. Чолбон: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2013. № 1. 96 с.
15. Чолбон: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2013. № 3. 98 с.

**PERIPHERY MORPHOLOGIC MEANS OF PERSONALITY FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD
(BY MATERIAL OF YAKUT LANGUAGE)**

Kharabaeva Viktoriya Ivanovna

*Institute of Humanities Researches and Problems of Smaller Peoples
of North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Stabilo.83@mail.ru*

In the article the morphologic means of expressing the functional-semantic category of personality, which concern the periphery of the functional-semantic field of this category, are considered. Attention is paid to materially expressed personal actualization such as personal pronouns in objective case and possessive affixes showing belonging, the attribution of quality, action or state to one of three persons. The generated constructions are the way of expressing personality category without using personal forms of verbs in the Yakut language.

Key words and phases: personality; periphery; personal pronouns in objective case; possessive affixes; subject.

УДК 81'373

Филологические науки

Сегодня наблюдается устойчивая тенденция к увеличению роста метафорических репрезентаций окружающей действительности в разнообразных дискурсах, что обусловило обращение к теме, связанной с метафорическим использованием слов семантической сферы «Музыка». В данной статье представлен анализ процессов метафоризации и языковой игры при использовании отдельных музыкальных терминов, которые сегодня, по нашим наблюдениям, получают широкое распространение как метафоры.

Ключевые слова и фразы: метафора; метафорическая модель; музыкальный термин; мотивирующая сема; метафоризация; языковая игра.

Хохонин Дмитрий Евгеньевич

*Воронежский государственный университет
dex777@rambler.ru*

**ПРОЦЕССЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В СФЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ©**

Широкое распространение процессов метафоризации и языковой игры доказывает необходимость их глубокого изучения. И метафоризация, и языковая игра становятся неотъемлемой частью языковых процессов,